

Грознофея и лютая зима

(Excerpt in Russian)

Translated by: Aleksandra Krasovets

Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Первый снег

Ночью замело снегом Дремучий лес. Из снежинок выросло белое одеяло, окутало ели и укрыло всё вокруг. Грознофея вскочила с постели.

— Наконец-то! — воскликнула она.

Она вылезла из дупла и прыгнула в снег. Кружилась, плясала, топталась, смеялась. Валялась и подбрасывала снег, пока вся не промокла. Тогда она решила одеться потеплее.

— Зима зовёт, — закричала она на ухо ежу, пока тот натягивал толстые носки.

— Пойдём играть в снегу! — радостно потрепала она полчка.

— Ни в коем случае! — запротестовал ёж.

— Мне не хочется, — забормотал полчок.

— Лежебоки! — разозлилась она на них и побежала обратно к сугробам. Встала посреди леса и заголосила. — Юхуу! Я уже вернулась. И снег тууут.

Никакого ответа. Дремучий лес остался немым. Будто вымер.

— Э-э-эй, кто идёт кататься на санках? — позвала она.

Везде было тихо и пусто, будто она кричала в червивую ореховую скорлупу.

— Ну и ладно, — провопила она в снег. Заскрежетала зубами и подумала, не укусить ли ей ещё раз полчка. Теперь нарочно! Вместо этого она дважды сплюнула и сочинила песенку, которую спела во весь голос. Особенно громко она пропела последнюю строчку.

*Поймаю я две мухи
в масле на ватрухе,
за воротник насыплю снег,
спит бездельник дольше всех.*

Она села на заснеженную ветку и начала качаться. Снег разлетался в стороны и прилипал к лицу. Она захихикала и напевала дальше:

*Приглашу я зайца
отведать протухшие яйца,
за воротник насыплю снег,
играть мы будем или нет?*

Она помчалась к зайцам. Но зайчиха строго сказала, что у тех свинка и они никуда не пойдут.

— Но ведь и свинка может пойти с нами, — возразила грознофея, но зайчиха уже захлопнула дверь.

Грознофея сердито фыркнула и пнула ногой в сугроб.

— Эй, это ещё за что? — послышалось изнутри. Из норки выглянула голова крота. — Ты сломала мне крышу! Теперь снег будет падать ко мне в ров.

— Прости, я не знала, что ты тут живёшь, — сказала грознофея, — пойдёшь со мной на пруд?

— Никак не получится. Я как раз занимаюсь ословством. Каждую зиму ему посвящаю. У меня уже много чего набралось. Всё только самое интересное. Сейчас мне нужно написать ещё полторы страницы. Это моя норма. В день! Каждый день, знаешь. Жаль только, я уже исчерпал все свои источники. Если ты мне сможешь найти что-нибудь новенькое, я пойду с тобой кататься на коньках.

— Кататься? Ух-ты! — воскликнула грознофея. — Какое оно это ословство? Где мне его искать?

— Его везде полно, — ответил крот. — Обычно оно звучит как что-то умное.

Грознофея отправилась к сове. За помощью. Перебирала ногами снег и подпевала:

*Приглашу к себе крота
угощу крошками со стола,
насыплю снег за ворот,
никто играть не ходит.*

Пела она и месила ногами снег. И тут увидела дрозда. Он притаился под ёлкой и что-то высматривал.

— Куку, — напугала она его, подкравшись сзади.

— У меня чуть инфаркт не случился, — защебетала птица. — Я уже думал, что это дроздиха.

— Может, у тебя что-нибудь найдётся для кротового ословства? — спросила грознофея.

— Конечно, — сказал дрозд. — Однажды я жил рядом с одним хлевом, где было полно ослов. Это была жизнь ярких красок, запахов, музыки, лета и ос. Но с осами совсем не так, как с ослами, эти очень мудрые и вообще разумные существа. Осы же ужасные лентяйки. Они всё время торчали в этом своем осином гнезде возле сарая, и, когда мы с ослами разговаривали на серьёзные темы, они всегда совали свой нос, поэтому я переселился сюда, знаешь, этот лес очень даже любопытный, но это не главная причина, по которой мы с женой здесь. У жены родня по всей Земле, но тут у неё какая-то старая ворона, хорошая подруга ее покойной тётки, которая коллекционировала антикварную мебель, но, если ты меня спросишь, удобная лавка стоит больше, чем всё это лакированное барахло.

— А что с ословством? — спросила грознофея.

— Сейчас скажу тебе какую-нибудь ословскую, — ответил дрозд, — только, пожалуйста, не могла бы ты сперва сбегать к кабану. Там возле старого дуба он разливает горячий компот. У меня так в горле пересохло, что не смогу продолжать без стаканчика. Это скорее всего из-за зимы.

И грознофея стала пробираться через сугробы к старому дубу. У неё начали мерзнуть уши. Кабан стоял возле тележки с кастрюлей, полной горячего компота. Время от времени он дул на озябшие копыта.

— Не дашь мне стаканчик компота для дрозда? У него в горле пересохло. А мне нужно раздобыть ословство для крота, чтобы он мог пойти со мной кататься на коньках.

— Я бы тебя с удовольствием угостил, но у меня нет половника. Старый сломался. Лис обещал сделать мне новый. Вот я и жду. Уже с лета.

Грознофея не говоря ни слова отправилась в мастерскую к лису. В мастерской горела лампа. Под ней стоял лис, уставившись на наполовину вырезанный половник, с лапой в пасти.

— Ты не мог бы немного поторопиться? — попросила она его. — Я бы хотела ещё сегодня покататься на коньках, но не могу, так как... Ах, неважно. Почему ты стонешь?

— Я порезался, — пожаловался лис. — Больно.

— Тебе наверно нужен пластырь, — ответила грознофея.

— Наверно, — согласился лис. — У лисы они есть.

Грознофея снова побрела по снегу в сторону лисьей норы. Ей было холодно, и снег падал ей за шиворот. Она тихонько забормотала:

*Приглашу лисицу
на пирога крупцу,
насыплю снег за воротник
и укушу разок в кадык.*

— Твой муж порезался, — пояснила она лисе. — У тебя есть пластырь?

Лиса как раз укладывала спать лисёнка и попросила грознофею присмотреть за малышом, пока она будет искать пластырь. Стоило ей уйти, как детёныш тут же начал кукситься. Грознофея спела ему колыбельную, которую обычно грознофеям, если те сносно вели себя днём, перед сном напевала прабабушка, покуривая трубку с табаком:

*Я как свистну в чёрный лес,
Гном придёт косматый весь,
В бубен злого ветра хлопну,
Унесёт тебя в потёмки.*

Лисёнок не заснул. Он широко раскрыл глаза и тяпнул грознофею за нос.

— Ёксель-моксель! — завизжала она и выскочила на улицу, чтобы охладить больной нос комком снега. Не успела она закрыть дверь, как малыш сиганул к заснеженным деревьям.

— Быстро назад! — закричала грознофея. Он не слушался.

— Сейчас же домой! — заревела она. Он не обращал на неё внимания.

— Мапочка тебя ждёт! — Не помогало.

— Ладно, — сказала грознофея, — будем играть в догонялки.

Лисий хвостик мелькал то тут, то там. Вот возле ёлки, теперь под буком. Грознофея бегала, но в высоком снегу это было очень тяжело. Она пыхтела и фыркала до тех пор, пока лисёнок не зарылся головой в снег. Она молнией бросилась к нему и схватила его за хвост.

— Попался! — она сжала малыша в своих руках.

Но детёныш кусался и царапался, и вообще очень плохо себя вёл. С огромным трудом она

дотащила его обратно до норы именно в тот момент, когда лиса возвращалась с пластырем.

— Я вижу, вы порезвились в снегу, — ласково обратилась лиса и прижала лисёнка к себе. — Тем крепче будешь спать.

Грознофея вернулась с пластырем в мастерскую к лису. С повязанной лапой дело заладилось быстрее. Но всё равно прошло еще какое-то время, прежде чем он закончил вырезать половник. Грознофея отнесла его кабану. Тот налил ей стакан горячего компота, который дрозд выпил залпом.

— Отличный компот, — кивнул он одобрительно, — что-то подобное я пил...

— Теперь ты скажешь мне эту ословскую? — перебила его грознофея.

— Чшшшш, — испуганно чирикнул дрозд и потянул грознофею в ближайшие хвойные заросли.

— Дроздыха идёт.

Мимо проскакала дроздыха и звала дрозда.

Грознофея и дрозд битый час прятались в кустах. Было неудобно. За шиворот им капало. Наконец, дроздыха улетела.

— Теперь скажи, или... — грознофея начала сжимать кулаки, — или я тебе все перья повыдираю.

— Осёл дважды на лёд не ступит, — зашебетал дрозд и уже испарился.

Когда грознофея дошагала до крота, то была страшно уставшей и голодной.

— Запиши, — завопила она в кротовую нору, — что осёл дважды на лёд не ступит.

— Эта то что надо, — остался довольным крот. — У меня уже немало набралось об ослах, но этой ещё не было. Подожди, я сейчас найду коньки, и мы пойдём.

— На сегодня с меня хватит зимы, — заявила грознофея, — я так проголодалась, что могу проглотить кого-нибудь целиком вместе со шкурой и очками.

Среди деревьев уже опустились ранние зимние сумерки, когда грознофея уставшая, голодная, сердитая и с озябшими ушами поплелась домой.

— Ну да, — пробубнил вслед за ней крот, — если осёл дважды не ступит на лёд, наверно, лучше и нам туда не соваться.